

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 164

28 июля 2026 года

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя У., ее представителя С. (допущен по устному ходатайству заявителя), адвоката Л., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе У. от 03 апреля 2026 года (вх. № ... от ...) в отношении адвоката Л. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 10 июня 2026 года вынесла заключение:

– о неисполнении адвокатом Л., вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, профессиональных обязанностей перед доверителем У., что выразилось в том, что адвокат Л. с даты заключения 16 марта 2025 года Соглашения об оказании юридической помощи № ... и до даты обнаружения останков К. в ноябре 2025 года, имея необходимые для оказания юридической помощи полномочия, подтвержденные нотариально удостоверенной доверенностью от 15 марта 2025 года, не обратился в суд с заявлением от имени У. об объявлении умершим ее пропавшего без вести 22 сентября 2024 года мужа К., а также не направил в государственные органы, включая Министерство обороны Российской Федерации и его структурные подразделения адвокатские запросы для получения документов, если по убеждению адвоката Л. у него в этом была необходимость;

– о необходимости прекращения дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката Л. по жалобе У. от 03 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного

производства в части довода У. о присвоения адвокатом Л. ее денежных средств.

Адвокат Л. в заседании Совета пояснил, что заключение Квалификационной комиссии получил, с выводами Комиссии не согласен. Дополнительно пояснил, что перед заключением соглашения с У. обратился за консультацией к своему сыну, который служит в Министерстве обороны, и в его обязанности входит, в том числе проведение расследований в отношении пропавших без вести и погибших военнослужащих. После чего, получив от доверителя необходимые документы, подготовил заявление об объявлении гражданина К. умершим, однако в суд его не подал, так как получил информацию о том, что это сделала воинская часть, в которой проходил службу К. В дальнейшем ему стало известно, что заявление, поданное в суд воинской частью, было возвращено. В декабре 2025 года после исследования останков в военном госпитале было установлено, что они принадлежат К. Ч. районным отделом ЗАГС города Москвы была выдана соответствующая справка, на основании которой У. было получено свидетельство о смерти К., и 21 января 2026 года состоялось его захоронение. Соответственно, необходимость в подаче заявления в суд «об установлении факта смерти» К. отпала. Основной вопрос, с которым обратилась к нему заявитель У., заключался в обеспечении ее жилищных прав на квартиру, в которой она проживала вместе с погибшим мужем на основании договора социального найма. При этом У. не была зарегистрирована в указанной квартире. Утверждает, что в соглашении об оказании юридической помощи «ни одной буквой не прописана» его обязанность по оказанию У. помощи по вопросу обеспечения ее жилищных прав на упомянутую квартиру. По этой причине он предложил У. самостоятельно обратиться в Департамент городского имущества Москвы (ДГИ) с заявлением, получить ответ, и после этого обсудить с ним условия заключения нового соглашения на оказание юридической помощи по обеспечению ее прав на данную квартиру. После этого У. предъявила адвокату Л. претензию и потребовала расторжения соглашения. Считает, что доводы, изложенные в жалобе У., не соответствуют действительности. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что обратился за консультацией к своему сыну не потому, что в его практике это первое дело об объявлении умершим безвестно отсутствующего гражданина, а в связи с тем, что, по мнению адвоката, постоянно меняется нормативная база в отношении военнослужащих, а несоблюдение нормативных актов препятствовало бы рассмотрению заявления судом. Подтвердил, что у него был комплект документов, достаточных для обращения в суд с заявлением об объявлении К. умершим, однако в виде копий, а нужны были документы с «синими печатями». При этом подтвердил, что не направлял никаких адвокатских запросов для получения нужных документов, и затруднился ответить на вопрос о том, по какой причине он этого не сделал. Также затруднился ответить на вопрос о том, по какой причине он настаивал на заключении нового соглашения с У. несмотря на то, что предмет поручения в

заключенном соглашении охватывал, в том числе защиту ее жилищных прав. Изменив после этого свою позицию, сослался на то, что намеревался заниматься защитой жилищных прав У., но она отозвала доверенность и лишила его такой возможности.

Заявитель У. в заседании Совета подтвердила, что получила заключение Квалификационной комиссии, ознакомилась и согласна с ним. Обратила внимание Совета на важное, по ее мнению, обстоятельство: при первой встрече с адвокатом Л. она сразу обозначила как главный вопрос об обеспечении ее жилищных прав на квартиру, в которой она проживала с погибшим мужем.

Представитель заявителя С. в заседании Совета поддержал ее позицию.

Рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, Совет признает фактические обстоятельства правильно установленными Квалификационной комиссией, однако с ее выводами соглашается частично и считает необходимым изменить объем дисциплинарных обвинений, как описано ниже.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

16 марта 2025 года адвокат Л. заключил с заявителем У. Соглашение об оказании юридической помощи № ..., в соответствии с п. 1.2 которого принял на себя обязательства оказать У. юридическую помощь *«по подготовке процессуальных документов и представление интересов в судах г. Москвы, а также помощи в получении причитающихся выплат и вопросов, связанных с недвижимостью пропавшего без вести в СВО мужа, К., в объеме и на условиях, установленных соглашением»*. Участники дисциплинарного разбирательства признают факт оплаты заявителем У. гонорара адвокату Л. в размере 100 000 рублей при заключении указанного Соглашения.

15 марта 2025 года У. выдала нотариально удостоверенную доверенность, которой уполномочила адвоката Л. представлять ее интересы во всех судебных, административных и правоохранительных органах.

Только в сентябре 2025 года адвокатом Л. был подготовлен проект заявления в суд об объявлении умершим пропавшего без вести гражданина К. Однако указанное заявление так и не было подано адвокатом Л. в суд по причине, описанной выше при изложении его объяснений.

Однако поручение доверителя У. на обращение в суд с заявлением об объявлении К. умершим было принято адвокатом Л. 16 марта 2025 года, то есть более чем за восемь месяцев до обнаружения останков К. и их идентификации, и за десять месяцев до выдачи свидетельства о смерти К.

Помимо проекта заявления о признании К. умершим, адвокат Л. подготовил проект обращения в Департамент городского имущества (ДГИ) г. Москвы, в котором просил от имени У. *«разрешить зарегистрироваться по месту постоянного проживания ответственного квартиросъемщика»* и *«заключить с доверительницей договор социального найма»*.

17 февраля 2026 года заявитель У. направила адвокату Л. уведомление об одностороннем отказе от исполнения Соглашения № ... в связи с его неисполнением адвокатом Л., об отмене выданной ему доверенности, также содержащее требование о возврате оплаченного У. вознаграждения.

Заявителем У. в отношении адвоката Л. выдвинуто дисциплинарное обвинение в том, что он не исполнил принятые на себя обязательства по Соглашению об оказании юридической помощи от 16 марта 2025 года № ... и не совершил каких-либо действий по оказанию юридической помощи по всем перечисленным в Соглашении поручениям, тем самым на протяжении длительного времени (с 16 марта 2025 года по март 2026 года) фактически оставил У. без необходимой ей и предусмотренной Соглашением юридической помощи.

Кроме того, заявитель У. требует возврата оплаченного адвокату вознаграждения (гонорара) в полном объеме.

Адвокат Л. не признал выдвинутые против него доверителем У. дисциплинарные обвинения и дал изложенные выше объяснения.

Вместе с тем, каких-либо убедительных объяснений причин неподачи им в течение продолжительного времени заявления от имени У. в суд об объявлении ее мужа К. умершим, а также о причинах непринятия каких-либо мер для получения необходимых, по его мнению, документов адвокат Л. не представил. Ссылаясь на то, что доверитель У. своевременно не представила ему документы, необходимые, по его мнению, для приложения к обращению в суд, адвокат Л. не конкретизирует, какие именно документы не были ему представлены У., и не представляет доказательств того, что он их запрашивал у У., а также не поясняет причину, по которой он, наделенный в силу своего профессионального статуса и наличия нотариально удостоверенной доверенности всеми необходимыми полномочиями, не запросил необходимые документы сам. Объясняя свое бездействие по исполнению принятого поручения на представление интересов У. по защите ее жилищных прав, адвокат Л. также дал противоречивые и не соответствующие содержанию Соглашения объяснения, изложенные выше.

Из материалов дисциплинарного производства, в том числе из переписки его участников и иных лиц, усматривается, что документы, которые необходимо было приложить к заявлению в суд об объявлении К. умершим, были представлены адвокату Л. в марте-апреле 2025 года. Следовательно, уже в апреле 2025 года он обладал необходимыми и достаточными объемом информации и комплектом документов для подачи заявления в суд. При этом документы, которых, по его мнению, не доставало, он мог и должен был запросить путем подачи адвокатских запросов, чего им сделано не было.

По общему правилу, дело об объявлении гражданина умершим суд должен рассмотреть и разрешить в течение двух месяцев со дня поступления заявления. В зависимости от сложности дела срок его рассмотрения может быть продлен, но не более чем на месяц (ч. 1, 6 ст. 154, ч. 1 ст. 263 ГПК РФ).

Таким образом, своевременная (в апреле 2025 года) подача адвокатом Л. в суд подготовленного им от имени У. заявления об объявлении К. умершим могла обеспечить надлежащее исполнение соответствующего обязательства по Соглашению об оказании юридической помощи. Как установлено в результате дисциплинарного разбирательства, каких-либо объективных препятствий для совершения этих действий у адвоката Л. не имелось.

Совет отклоняет как несостоятельный довод адвоката Л. о том, что заявление об объявлении К. умершим он не подал, поскольку это сделала воинская часть. В соответствии с действующим законодательством обратиться с таким заявлением в суд имеют право все заинтересованные лица, в том числе родственники пропавшего без вести, воинская часть, в которой служил участник СВО, прокурор. Намерения и действия воинской части вовсе не препятствовали адвокату Л. в обращении в суд с заявлением от имени У. и во всех случаях не освобождали его от надлежащего исполнения принятого поручения.

Кроме того, Совет отмечает, что адвокату Л. не позднее чем 13 июля 2025 года стало известно о том, что суд отказал воинской части ... в принятии заявления об объявлении К. умершим. Однако и после получения указанных сведений адвокат Л. не подал заявление от имени У. в суд в период с июля по ноябрь 2025 года.

Остальные приведенные выше доводы адвоката Л. о причинах его длительного бездействия, а также ненадлежащего оказания правовой помощи по защите жилищных прав У. Совет также признает несостоятельными, поскольку они непоследовательны и внутренне противоречивы, опровергаются содержанием Соглашения и материалами дисциплинарного производства. При этом Совет отмечает, что обязанность по доказыванию надлежащего оказания юридической помощи У. в данном случае лежит на адвокате Л. и не может быть возложена на заявителя У., поскольку отрицательные факты (несовершенные действия, несостоявшиеся события), как правило, не оставляют материальных следов, что делает фактически невозможным представить какие-либо доказательства этому. Совет также отмечает, что адвокат Л. фактически устранился от выполнения принятого поручения по защите жилищных прав У., ограничившись подготовкой проекта первоначального заявления от ее имени. При этом ссылка адвоката Л. на то, что данный вид юридической помощи «ни одной буквой не прописан в соглашении», прямо противоречит приведенному выше содержанию принятого им поручения.

Такое профессиональное поведение адвоката не может быть признано надлежащим исполнением профессиональных обязанностей перед доверителем.

Вместе с тем, Совет не может согласиться с выводом Квалификационной комиссии о неисполнении адвокатом Л. профессиональных обязанностей перед доверителем У., поскольку самой Комиссией признано установленным и указано в заключении, что он, хотя и

с существенной задержкой, приступил к выполнению принятого поручения, а именно: консультировал доверителя и подготовил проекты заявлений: в суд – об объявлении гражданина К. умершим («Заявление об установлении факта смерти») и в ДГИ Москвы – о разрешении У. «зарегистрироваться по месту постоянного проживания ответственного квартиросъемщика» и «заключить договор социального найма».

При таких обстоятельствах Совет, вопреки заключению Квалификационной комиссии, правильно установившей фактические обстоятельства, но допустившей ошибку в правовой квалификации деяния адвоката, квалифицирует профессиональное поведение адвоката Л. в рассматриваемой части не как неисполнение профессиональных обязанностей перед доверителем У., а как их ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей. В связи с изложенным, Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Л. в части дисциплинарного обвинения в ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей перед доверителем У. опровергнутой, а его вину в указанном дисциплинарном нарушении – установленной.

Совет в этой связи отмечает, что своевременность оказания юридической помощи является неотъемлемым элементом профессиональной обязанности адвоката, предусмотренной пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката. Бездействие же адвоката Л. на протяжении восьми месяцев привело к существенному затягиванию разрешения критически важных для У. вопросов, по которым она нуждалась в квалифицированной юридической помощи адвоката Л.

Претензия заявителя У. в отношении адвоката Л. в том, что он ввел ее в заблуждение и присвоил выплаченные ему в качестве вознаграждения денежные средства в размере 100 000 рублей без совершения каких-либо фактических действий по защите ее прав, не может быть рассмотрена по существу в настоящем дисциплинарном производстве, поскольку фактически является обвинением в совершении уголовно-наказуемого деяния. Установление в поведении адвоката (как и любого другого лица) признаков уголовно-наказуемого деяния возможно лишь в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством. Поэтому если заявитель У. считает, что адвокатом Л. совершено деяние, содержащее признаки какого-либо преступления, она вправе обратиться в правоохранительные органы в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката Л. за совершенное нарушение, Совет принимает во внимание его грубый характер, сопряженный с длительным бездействием в оказании помощи доверителю, находящемуся в психотравмирующей

ситуации, связанной с беспокойством о судьбе близкого человека, участвовавшего в боевых действиях. Совет также отмечает как обнаруженный адвокатом Л. в ходе дисциплинарного производства явный пробел в профессиональных знаниях, так и продемонстрированные им безразличие и недобросовестность в виде отказа признать принятое обязательство и попытки склонить доверителя к заключению нового соглашения на ту же юридическую помощь, которую адвокат обязан был оказать в силу уже заключенного и оплаченного доверителем соглашения. Такое профессиональное поведение адвоката Л. Совет признает недопустимым. Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат Л., имея значительный стаж адвокатской деятельности, не имеет дисциплинарных взысканий. При таких обстоятельствах Совет предоставляет адвокату Л. возможность пересмотреть и скорректировать свое профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и полагает необходимым применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката. Совет также полагает необходимым указать адвокату Л. на необходимость неукоснительного исполнения законодательно установленных обязанностей постоянно совершенствовать свои знания и повышать профессиональный уровень, а также исполнять решения органов адвокатского самоуправления, принятые в пределах их компетенции (пп. 3 и 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»).

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 2 п. 6 ст. 18, пп. 1, 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату Л. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за ненадлежащее, вопреки предписаниям пп. 1 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем У., выразившееся в том, что он с даты заключения 16 марта 2025 года Соглашения об оказании юридической помощи № ... и до даты обнаружения останков К. в ноябре 2025 года, имея необходимые для оказания юридической помощи полномочия, подтвержденные нотариально удостоверенной доверенностью от 15 марта 2025 года, не обратился в суд с заявлением от имени У. об объявлении умершим ее пропавшего без вести 22 сентября 2024 года мужа К., а также не направил в государственные органы,

включая Министерство обороны Российской Федерации и его структурные подразделения, адвокатские запросы для получения документов, наличие которых он считал необходимым, ограничившись лишь подготовкой проекта заявления об объявлении гражданина К. умершим, а также не предпринял предусмотренных законом и заключенным соглашением мер для защиты жилищных прав У. за исключением составления проекта заявления от ее имени, адресованного в Департамент городского имущества Москвы.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Л. по жалобе У. от 03 апреля 2026 года (вх. № ... от ...), вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков